

ДЕПУТАТЫ ИЗ КАЗАНИ В УЛОЖЕННОЙ КОМИССИИ 1767–1769 ГГ.

Валиуллин И. Р., кандидат исторических наук

DEPUTIES FROM KAZAN IN THE LEGISLATIVE COMMISSION 1767–1769

Valiullin I. R.

В XVIII в. в России периодически работали Уложенные комиссии с целью кодификации российского законодательства, однако их деятельность успехом не увенчалась. Одна из попыток реформирования законодательства была предпринята императрицей Екатериной II: согласно манифесту от 14 декабря 1766 г. созывалась «Комиссия для сочинения проекта нового Уложения». В комиссию было предписано избрать депутатов от государственных учреждений (Сенат, Синод и др.), дворянства, городов, однодворцев, пахотных солдат, служилых людей «разных служб», черносошных и ясачных крестьян, оседлых народов «какого б они закона ни были, крещеные или некрещеные», «казацких войск, и от войска запорожского»¹. Из Казани в Уложенную комиссию отправились три депутата, представлявшие дворянство Казанского уезда, жителей города, служилых мурз и татар Старо-Татарской и Ново-Татарской слобод.

Выборы депутатов проводились согласно «обряду выбора», изложенному в манифесте. Дворяне предва-

рительно избирали дворянских предводителей, на которых возлагалось руководство выборами в комиссию дворянских депутатов. В Казани по объявлению губернатора А. Н. Квашнина-Самарина дворянские выборы были назначены на 2 марта 1767 г. Церемония выборов проходила в доме губернатора², в ней участвовало 57 человек дворян. В зале приглашенных встречал портрет Екатерины II, стол, покрытый красным сукном, на котором лежал манифест Екатерины II, были расставлены ящики для баллотирования, тарелки с шариками и др. Дворяне, приехавшие из уездов, и жившие в городе, расположились по разным сторонам от стола. Дворянским предводителем был избран губернский прокурор П. В. Есипов, который в ходе дальнейших выборов стал депутатом от дворян Казанского уезда.

С именем казанского губернского прокурора был связан скандал в местном дворянском обществе. П. В. Есипов оказался во главе противостояния местных дворян казанскому губернатору А. Н. Квашнину-Самарину³. О коллизии стало

известно императрице Екатерине II, которая побывала в Казани 26 мая – 1 июня 1767 г. «В Казани нашла я губернатора в ссоре со всеми почти дворянами...», – писала она в одном из писем во время путешествия по Волге⁴. Есипов – «главный заводчик сей ссоры», «мутит между дворянами и губернатором», – таков был вердикт Екатерины II. Усилиями императрицы конфликт был разрешен. Противные стороны получили внушение и особенно суровое П. В. Есипов, которому было указано, что он может потерять свое место и «еще ему и в Казанской губернии жить не дадут, как не любящего мира и тишины»⁵.

«Обряд выбора жителям городским» предписывал избрать городского голову Казани: им был избран казанский купец И. Ф. Дряблов. Ему поручалась организация выборов депутата в комиссию. Выбор «казанского гражданства» пал на купца И. И. Кобелева (родился в 1739 г.; в апреле 1768 г. он сдал «свое депутатское звание, на время» нижегородскому купцу Я. Редозубову). Кобелевы происходили из служилых татар. Они были «известными и именитыми» людьми в Казани, вели торговлю хлебом и юфтью, имели медеплавильные заводы в Мамадышском уезде⁶. В 1782–1784 гг. И. И. Кобелев служил казанским городской головой.

Служилые мурзы и татары Старо-Татарской и Ново-Татарской слобод отдельно избрали своим депутатом С. Х. Хальфина. Он родился в 1732 г. в семье служилого татарина. Со второй половины 1750-х гг. С. Х. Хальфин служил переводчиком

в Казанском адмиралтействе, в 1769–1785 гг. – учителем татарского языка в Казанской гимназии⁷. Также он известен и как автор первого татарского букваря для русских, учебника татарской грамматики и русско-татарского словаря.

С. Х. Хальфин пытался добиться признания за ним статуса городского депутата. Обращаясь с челобитной в Сенат, он писал: «...я поименованный депутатом и выбран, кроме казанского купечества, точно на таком же основании, как в обряде о городских депутатах предписано»⁸. С. Х. Хальфин ссылаясь на переписку по выборам, в которой назывался городским депутатом; на имеющегося у уездных татар своего депутата; на торговлю, которую вели слободские татары, как и городские жители; на выполнение татарами городских повинностей. Однако его притязания были отвергнуты. По замечанию А. В. Флоровского, этому помешал «вопрос о податях», так как слободские татары «были обложены окладом государственных крестьян»⁹.

Согласно манифесту Екатерины II, П. В. Есипову, И. И. Кобелеву и С. Х. Хальфину, как депутатам комиссии, пожизненно были дарованы привилегии: они были освобождены от смертной казни, пыток и телесных наказаний; во всех случаях, кроме долговых дел, их имущество не подлежало конфискации; преступления (нападение, ограбление, убийство и др.) против депутатов в период деятельности комиссии наказывались вдвойне. Депутатам назначили жалованье: дворянам по 400 руб., городским по 122 руб., прочим по 37 руб.¹⁰

Для представления в комиссию П. В. Есипов, И. И. Кобелев и С. Х. Хальфин получили от своих избирателей указы, в которых были изложены их социальные, экономические, национально-религиозные и др. «нужды». Казанские дворяне просили передать из Вотчинной коллегии в ведение губернской канцелярии их «неспорные дела», учредить в Казани Дворянский банк, высказали предложения по совершенствованию судопроизводства в Казанской провинции (учредить при Казанской губернской канцелярии экспедицию для судебных и розыскных дел, разделить «отдаленные жительства» в Казанском уезде на дистрикты и ввести должность комиссара и др.), по вопросам наследства и др.¹¹ «Казанское гражданство» обращало внимание на тягости постоянной повинности, несения службы при соляной продаже и городской полицейской службе; просило назначить приказным служителям пенсионное жалование и разрешить им покупать дворовых людей; ходатайствовало об ограничении торговой деятельности для дворян и разночинцев, о конкурентах в торговле – казанских служилых татарах и др.¹² Служилые мурзы и татары Старо-Татарской и Ново-Татарской слобод просили освободить их от подушной подати, рекрутской повинности, «драгунских и подъемных на армию лошадей и на них складочных денег» и др. сборов; дозволить беспрепятственно торговать; прекратить практику насильственного крещения татар, законодательно обеспечить защиту их религиозных чувств; дозволить строить каменные мечети, не возводить церкви в татар-

ских слободах без соответствующего императорского указа и др.¹³

Комиссия действовала почти полтора года, сначала в Москве, затем в Петербурге. Первое заседание состоялось 31 июля 1767 г., последнее – 12 января 1769 г. 18 декабря 1768 г. маршал комиссии А. И. Бибииков объявил депутатам указ Екатерины II о роспуске комиссии в связи с началом войны с Турцией. Действительной причиной прекращения работы комиссии, по-видимому, была ее неспособность решить сложную задачу по составлению нового кодекса законов.

На заседаниях читали указы, законы (о дворянстве, купечестве, «лифляндские и эстляндские привилегии», проект «о правах благородных» и др.), депутаты высказывали словесно и письменно свои мнения, возражения, замечания и т.д. Казанские депутаты не остались безмолвными свидетелями деятельности Уложенной комиссии. На 12-м заседании (24 августа 1767 г.) П. В. Есипов высказал свое суждение по некоторым пунктам наказа новокрещеных из мордвы Казанского уезда: считал неосновательным их ходатайство о снижении платежа за увечных, но поддержал прошение о словесном суде в малых делах; на 16-м заседании (3 сентября 1767 г.) поддержал мнение других дворянских депутатов на наказ саратовских черносошных крестьян; на 17-м заседании (4 сентября 1767 г.), возражая депутату от г. Саратов купцу И. Портнову, просил разрешить иметь бани лишь богатым («достаточным») людям, розничную торговлю крестьянам в городах, запись

в ремесленные цеха «на сколько лет кто пожелает» людей всякого звания (подвластных – с разрешения их властей); скептически отнесся к исключению старых и дряхлых из подушного оклада и помещению их в богадельни¹⁴. С критикой П. В. Есипова насчет ограничения содержания бань, а также предоставления помещичьим крестьянам свободного занятия ремеслами в статусе цеховых мастеров выступил депутат от г. Енисейск С. Самойлов (его поддержали несколько депутатов от городов, среди которых был И. И. Кобелев).

Обсуждение наказов и мнений порой происходило в накаленной атмосфере. Скандалом завершилось чтение возражения депутата от обоянского дворянства М. Ф. Глазова на 15-м заседании (31 августа 1767 г.). «... Каждое почти выражение неприлично; но сии недостатки кажутся нечувствительны пред прочими непристойностями, которыми избыточествует оное сочинение», – так описывалась в материалах комиссии критика М. Ф. Глазова депутатов от однодворцев и черносошных крестьян¹⁵. Дело чуть не дошло до исключения М. Ф. Глазова из состава комиссии (с этим предложением выступил депутат Берг-коллегии А. Нартов и др.), так как его поступок нарушил установленные правила взаимоотношения депутатов между собой. Альтернативой изгнанию М. Ф. Глазова из комиссии стало прилюдное принесение извинений и штраф («пеня»), согласно предложению части дворянских депутатов. Некоторые дворянские депутаты, среди них был П. В. Есипов, предла-

гали ограничиться лишь штрафом.

После прочитанных законов о дворянстве разгорелась дискуссия между родовитыми и неродовитыми дворянами. Ревностным защитником исключительности родовитого дворянства выступил князь, историк М. М. Щербатов. Представитель муромского дворянства И. Чаадаев, вторивший именитому депутату, считал необходимым прекратить легкий способ достижения дворянского достоинства недворян через военную службу. «... Право настоящих дворян надлежит отделить от тех, которые не из дворян дослужатся до офицерских чинов», – утверждалось в его «мнении», высказанном на 23-м заседании (13 сентября 1767 г.)¹⁶. На 25-м заседании (19 сентября 1767 г.) П. В. Есипов также критиковал обречение дворянства через пожалование в офицеры: он усматривал в этом и возможную утрату высокого статуса дворянства, и определенное поправление беспредельной царской власти. Депутатам, наверняка, запомнилась проникновенная речь М. М. Щербатова на 26-м заседании (21 сентября 1767 г.) в ответ на примечание депутата днепровского пикинерного полка Я. Козельского. «Этот г. депутат укоряет подлым началом древние российские фамилии... Как может собранная ныне в лице своих депутатов Россия слышать нареkanie подлости на такие роды, которые в непрерывное течение многих веков оказали ей свои услуги!» – вопрошал он «с крайним движением духа»¹⁷. П. В. Есипов, как ревнитель родовитого дворянства, конечно поддержал выступление М. М. Щербатова.

Внимание П. В. Есипова также привлекли эстляндские и лифляндские привилегии, с которыми ознакомили депутатов комиссии. Как известно, при Петре I прибалтийские земли (Лифляндия и Эстляндия) были присоединены к России, при этом прежние права местной элиты были сохранены. На 74-м заседании (11 декабря 1767 г.) П. В. Есипов отмечал парадоксальность сложившейся ситуации: земли, давно покоренные Россией, пользуются иноземным законодательством. Лифляндские и эстляндские жители, по его мнению, должны были иметь «одинаковые законы с другими покоренными российскому скипетру народами»¹⁸. Похожие мнения высказывались и другими депутатами (Е. Демидов, А. Похвиснев и др.).

Внимательно отнеслись к обсуждению проекта закона о «правах благородных» С. Х. Хальфин и другие представители бывшей татарской феодальной элиты – депутаты Уложенной комиссии. В XVIII в. татарская элита утратила свой привилегированный статус, однако память о своем знатном происхождении сохранила. Так, собрание депутатов было ознакомлено с представлением А. Еникеева, депутата от служилых мурз и татар Пензенской провинции, в котором отмечалось, что их предки – природные князья, мурзы и служилые татары, награжденные дипломами и жалованными грамотами и поместными землями. А. Еникеев отчетливо выразил желание потомков знатных татар восстановить былой социальный статус, «...чтоб между нами учинить раздел, т.е. чтоб как князья, так и мурзы и служилые

татары, всякий по своему званию, имел о себе преимущество, а чтоб мы от простых и не служебных ясашных татар были отличены...»¹⁹.

Проявляя заинтересованность к закону о «правах благородных», С. Х. Хальфин на 155-м заседании (10 июля 1768 г.) попросил дать копию проекта закона «всем присланным татарского закона депутатам», ссылаясь на разноязычность и необходимость более глубокого изучения документа. На 158-м заседании (28 июля 1768 г.) С. Х. Хальфин поддержал мнение депутата от г. Яранск И. Антонова по поводу статьи, предусматривающей лишение благородства. И. Антонов предложил следующую редакцию статьи: «лишить благородства никого не можно, кроме того, кто сам себя лишил онаго своими основанием его достоинства противными поступками»²⁰. Среди многочисленных депутатов (в основном представителей городов), согласных с мнением И. Антонова, были также служилые мурзы и татары Б. Идебердеев, А. Еникеев и Я. Мангушев, депутат от ясачных татар А. Сеитов. Группа служилых мурз и татар, в том числе и С. Х. Хальфин, не осталась в стороне и при рассмотрении других статей законопроекта.

Бурные обсуждения в комиссии вызвали вопросы, связанные с торговой деятельностью. Острые выступления казанского купца И. И. Кобелева на 51-м заседании (30 октября 1767 г.) было направлено против служилых мурз и ясачных татар, занимавшихся торговлей. Хотя, по его словам, согласно законодательству, им было запрещено заниматься

подобной деятельностью, они вели обширную торговлю различными товарами (воск, мед, сало, кожи, пушные товары и т.д.) на ярмарках и в уездах, став для купцов сильными конкурентами. И. И. Кобелев предлагал записывать занимавшихся торговлей татар в купеческое сословие, в противном случае необходимо было конфисковывать их перекупные товары и дозволить торговать лишь товарами их домашнего хозяйства и собственных трудов; ограничить хозяйственную деятельность татар земледелием и скотоводством. Кроме того, депутат упрекал татар в подделке товаров: якобы они добавляли в воск сало и серу, в гусиный пух – муку и известь и т.п.

В развернувшейся дискуссии также участвовали А. Подъячев и И. Кочнев, депутаты от гг. Уфа и Оренбург. В их выступлениях выражалась обеспокоенность масштабами коммерческой деятельности татар, утверждалась мысль об ограждении купечества от конкуренции не только со стороны крестьян, но и самих купцов (им предлагалось торговать в границах своих городов и уездов), звучало требование – запретить торговать крестьянам, иноверцам и другим им подобным, кроме купечества. Утверждалось, что торговая деятельность татар осуществляется в ущерб их земледелию.

В свою очередь, депутаты Р. Алкин, А. Даушев, А. Еникеев, А. Ситов и др. защищали интересы татарского населения. Представляя аргументы в пользу торговых занятий, они апеллировали к историческому прошлому татар («издревле торговали без всякого препятствия»),

фискальным интересам государства (торговля – дополнительный источник доходов, способствующий уплате податей, особенно в неурожайные годы); видели в этом поддержку своих соплеменников, нуждающихся в продаже своих товаров, но лишенных такой возможности; опровергали заявления о негативном влиянии торговой деятельности на земледельческие занятия татар.

Вопросы судопроизводства оказались в поле зрения С. Х. Хальфина. На 95-м заседании (12 марта 1768 г.) он огласил свое мнение, в котором говорилось о привлечении мусульман в качестве свидетелей во всех случаях наравне с христианами и принятии ими присяги согласно своему вероисповеданию, т.е. «по приводе прежде к Корану». По его убеждению, в текст присяги необходимо было включить упоминание, что свидетель должен говорить самую сущую правду, не придавая значения конфессиональной принадлежности участников судебного разбирательства²¹. На первый взгляд его выступление было обусловлено стремлением дополнить соответствующий раздел законодательства, поскольку предварялось словами «из читанных законов мною замечено». Однако на одном из прошедших заседаний (10 марта 1768 г.) прозвучали высказывания депутатов от смоленского шляхетства Е. Тихоновского (Уфимский уезд) и Уфимского казачьего войска П. Бурцова о равноценности свидетельств черемисов, некрещеных вотяков и христиан, привлечении мусульман в качестве свидетелей «на православное христианское лицо». По-ви-

димому, их мнения также побудили С.Х. Хальфина внести собственное предложение. На этом же заседании депутат от служилых мурз и татар Пензенской провинции А. Еникеев, затронув обсуждаемую тему, прямо сослался на П. Бурцова, который отказывал мусульманам в праве быть свидетелями. Он обратил внимание депутатов на случаи, когда мусульмане могли быть единственными свидетелями дела. И если следовать мнению П. Бурцова, то «обиженные останутся без всякого удовлетворения», делал вывод А. Еникеев. Как и С.Х. Хальфин, он ратовал за принятие мусульманами присяги по мухаммеданскому закону.

При Уложенной комиссии были созданы многочисленные частные комиссии, в которых осуществлялась предварительная разработка законов. С.Х. Хальфин был одним из 41 кандидатов, претендовавших в члены комиссии «О размножении народа, земледелия, домостроительства, о поселении, рукоделии, искусствах и ремеслах». Выборы в комиссию проходили в 3 этапа: 28 апреля 1768 г. баллотировались 10 депутатов, 29 апреля – 21, 30 апреля – 10. При баллотировании 30 апреля С.Х. Хальфин не набрал необходимое число голосов (за – 98, против – 202) и занял промежуточное место между депутатом от «засекских сторожей» А. Луховиковым (за – 93, против – 207) и тамбовским

депутатом от однодворцев В. Веденеевым (за – 101, против – 199)²². В следующую комиссию «О разборе родов государственных жителей» С.Х. Хальфин баллотировался 22 декабря 1768 г. Он вновь не набрал большинства голосов (за – 109, против – 167), хотя оказался не на последнем месте среди 32 кандидатов, оставив позади городских депутатов П. Неустроева (за – 108, против – 168) и В. Седова (за – 87, против – 189), дворянских депутатов А. Нелидова (за – 106, против – 170), П. Кривского (за – 104, против – 172), г. Веймарна (за – 95, против – 181), И. Еникеева (за – 90, против – 186), М. Захарова (за – 101, против – 175)²³.

Созыв Уложенной комиссии в 1767 г. дал возможность представителям различных социальных групп высказаться по волнующим их «нуждам». В работе комиссии участвовали три депутата из Казани, причем лишь один из них, купец И.И. Кобелев, представлял собственно горожан Казани. Казанское происхождение депутатов имело формальный характер, основную роль играл их социальный статус. Мнения П.В. Есипова, И.И. Кобелева, С.Х. Хальфина звучали в унисон выступлениям других социально близких депутатов; при этом позиция С.Х. Хальфина в области судопроизводства имела и национально-религиозную подоплеку.

Сведения об авторе: Валиуллин Ильдар Рауфович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра энциклопедистики Института Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук РТ, e-mail: info-ite@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена деятельности казанских депутатов Уложенной комиссии 1767–1769 гг. П.В. Есипова, И.И. Кобелева, С.Х. Хальфина. Депутаты представляли и отстаивали сословные интересы. Раскрывается отношение депутатов к об-

суждаемым в комиссии вопросам: обретение дворянства, конкуренция в торговой сфере, правовое равноправие и др.

Ключевые слова: Уложенная комиссия 1767–1769 гг., Екатерина II, П. В. Есипов, И. И. Кобелев, С. Х. Хальфин, Казань, татарские слободы Казани, дворянство, купечество, служилые татары.

Abstract. The article is devoted to the activities of the Kazan deputies of the Legislative Commission of 1767–1769. P. V. Esipova, I. I. Kobeleva, S. Kh. Khalfin. Deputies represented and defended class interests. The attitude of the deputies to the issues discussed in the commission is revealed: acquisition of the nobility, competition in the trade sphere, legal equality, etc.

Key words: Legislative Commission 1767–1769, Catherine II, P. V. Esipov, I. I. Kobelev, S. Kh. Khalfin, Kazan, Tatar settlements of Kazan, nobility, merchants, service Tatars.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. 17. – С. 1094.
- 2 Сборник Русского исторического общества. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869. – Т. 4. – С. 24.
- 3 Ибнеева Г. В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. – М.: Памятники исторической мысли, 2009. – С. 267.
- 4 Собственноручные указы и письма императрицы Екатерины Великой // Журнал Министерства юстиции. – 1915. – № 10. – С. 197.
- 5 Там же. – С. 197.
- 6 Агафонов Н. Я. Казань и казанцы. – Казань: Типо-литография И. С. Перова, 1906. – Кн. 1. – С. 15, 16.
- 7 Хальфин Сагит Хасанович // Татарская энциклопедия: в 6 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ. – Т. 6.: У–Я. – С. 184.
- 8 Цит. по: Липинский М. А. Новые данные для истории Екатерининской комиссии о сочинении проекта нового уложения // Журнал Министерства народного просвещения. – 1887. – Ч. 251. – С. 264.
- 9 Флоровский А. В. Состав Законодательной комиссии 1767–74 гг. – Одесса: Типография «Техник», 1915. – С. 320.
- 10 Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. 17. – С. 1094.
- 11 Сборник Русского исторического общества. – СПб.: Типография Н. А. Лебедева, 1889. – Т. 68. – С. 23–33.
- 12 Сборник Русского исторического общества. – СПб.: Типография М. Меркушева, 1899. – Т. 106. – С. 509–522.
- 13 Сборник Русского исторического общества. – СПб.: Типография М. Меркушева, 1903. – Т. 115. – С. 305–315.
- 14 Сборник Русского исторического общества. – СПб.: Типография императорской Академии наук, 1869. – Т. 4. – С. 93, 117, 125, 126.
- 15 Там же. – С. 108.
- 16 Там же. – С. 154.
- 17 Там же. – С. 193.
- 18 Сборник Русского исторического общества. – СПб.: Типография 2-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1871. – Т. 8. – С. 350.
- 19 Сборник Русского исторического общества. – СПб.: Типография Н. А. Лебедева, 1881. – Т. 32. – С. 543.
- 20 Там же. – С. 204.
- 21 Сборник Русского исторического общества. – СПб.: Типография 2-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1875. – Т. 14. – С. 157.
- 22 Сборник Русского исторического общества. – СПб.: Типография Н. А. Лебедева, 1881. – Т. 32. – С. 48.
- 23 Сборник Русского исторического общества. – СПб.: Типография и хромолитография А. Траншеля, 1882. – Т. 36. – С. 150.